

Давний название рецензируемой книге вопрос, безусловно, принадлежит к числу наиболее актуальных в частной лингвистике. Будучи спроецированным в сферу общей лингвистики, этот вопрос — ввиду структурной и семантической относительности, а также функционально-синтаксической неустойчивости и неопределенности такого объекта исследования, как *частицы*, — требует с принципиально нетрадиционных позиций посмотреть на то, что представляет собой языковая структура, чем и как детерминировано отражение мысли и действительности в языке (построение высказывания), по каким направлениям осуществлялась языковая эволюция и т. д.

Оказывается, что представление о структуре языка как о статической связи элементов и отношений не проецируется на языковой и функциональный статус частиц, так как употребление последних скользisce и не всегда очевидным образом пересекается (смешивается) с употреблением союзов, наречий и местоимений. Изучение частиц, как и других функционально неизолированных классов слов, требует использования иного представления о структуре языка — исходящего из наличия обусловленных правил сдвига недифференцированных или полудифференцированных элементов в соответствующих условиях употребления. Задача лингвиста в этом случае заключается в том, чтобы вскрыть принципы различных взаимоотношений статусов лексемы в их относительной динамике, исчислить условия перехода от одного статуса к другому, признав в качестве общего правила неустановившийся характер связей, динамику, а не статику отношений коррелятивных единиц или статусов единиц.

Как соотносится содержание рецензируемой книги Т. М. Николаевой с этой, ориентированной прежде всего на выявление системных и функциональных взаимоотношений частиц задачей? Отвечая на этот вопрос, выделим две особенности рецензируемой работы, отражающие отношение автора к предмету исследования.

1. Частицы ввиду их семантической диффузности и текучести, принципиальной непереводимости, полифункциональности т. п. по сути невозможно описать только как цель (элемент структуры языка), они могут быть описаны лишь как цель и средство (элемент высказывания) одновременно. В книге Т. М. Николаевой очевидно стремле-

ние подвести читателя к мысли о неперспективности подхода к частицам как элементу языковой структуры («Частицы не выписываются точным образом не только в школьную схему предложения, но и в словари и грамматики» (с. 7); «...все попытки найти строгие критерии отграничения частиц от других грамматических классов...» привели к «таксономическому тупику» — с. 24); в конструктивной части исследования это стремление трансформировано в тезис об отсутствии грань между частицами, наречиями, союзами и местоимениями (ср. с. 4, 121 и др.). В дальнейшем это дает возможность автору свободно под именем частиц говорить о союзах, наречиях, местоимениях, проводить межязыковые сопоставления (гл. 5), не принимая какой-либо точки зрения относительно того, как конкретно осуществлялся (в ходе языкового развития) и как осуществляется (функционально) переход одного качества в другое — смена статусов лексемы (ср. *и*-союз и *и*-частицу, *вот*-наречие и *вот*-частицу и т. п.).

2. Сосредоточившись в первую очередь на функциональных (индуктивных) аспектах исследования частиц, Т. М. Николаева вместе с тем достаточно сдержанно высказывается по другим, в особенности общезыковедческим вопросам; нередко собственное мнение автора остается негативным или фигурирует в рассуждениях лишь как частный элемент обзора. Объяснения по этому поводу уместны, однако едва ли удовлетворят заинтересованного читателя (ср. с. 24). Оставленные без решения вопросы представлены в книге, главным образом, в виде парадоксов, имеющих частью гносеологическую (противоречия теории), частью онтологическую природу (факты, достойные удивления) (см. с. 14—20, 41—43 и др.).

Принятые исходные позиции и многообразная функциональная сущность частиц потребовали от автора рассмотрения значительного числа различных по степени абстракции вопросов, поэтому заголовки имеющихся в книге 5 глав, давая общее представление об избранном плане изложения, только приблизительно сигнализируют о содержании книги в целом. В 1-й главе, имеющей характер вводной, дан обзор аспектов и современной проблематики исследования частиц, во 2—4-й — рассмотрены сложные взаимоотношения частиц с высказываниями и высказываний с включенными в них частицами с отражаемыми ими фрагментами дейст-

вительности — ситуациями; в заключительной, 5-й главе представлен сопоставительный анализ «фондов частиц» 11 славянских языков по их количественному составу и структурно-морфологическим особенностям, описаны общие черты фонетики и смысловой структуры частиц — сами по себе и в сопоставлении с некоторыми неславянскими языками.

В рецензируемой книге автора занимают два подхода к изучению частиц, которые условно можно назвать синтаксически-функциональным и этимолого-семантическим. Частицы исследуются и как «функционально коммуникативно важные» компоненты высказывания, и как «являющиеся единицами языка» комбинации соотносимого с индоевропейским славянским фондом *и п а р т и к у л* — «исходных формальных компонентов», на которые легко разлагаются коммуникативные компоненты высказывания: междометия, союзы, местоимения, наречия и собственно частицы, обладающие несмотря на «шкалярность» (неопределенность) их грамматического функционирования собственным инвариантным значением (*да-же, у-же, не-у-же-ли, э-то, и-ли, ли-бо, то-ли-ко, и-бо* и т. д.).

Соответственно различию подходов в книге Т. М. Николаевой содержательно и композиционно выделены 2 части: 1) определяемая самим автором как «синхронно-теоретическая» (с. 25), эта часть охватывает 2—4-ю главы; 2) диахронно-сопоставительная (представлена одной, 5-й, главой). Эти части различны по материалу и по предмету исследования: в первой, в соответствии с основным названием книги, исследуются функции частиц в высказывании, однако на материале только одного языка — русского, во второй, в соответствии с подзаголовком, исследуется материал всех языковых групп славянских языков, но не исследуется собственно функции частиц в высказывании. Название книги в целом, таким образом, оказывается не вполне адекватным ее содержанию. Указанные две части в книге, кроме того, лишь опосредованно связаны одна с другой, поэтому в изложении постоянно сказывается дефицит поддержки функциональных, синхронических данных диахроническими, сравнительными, и наоборот. В связи с этим обращает на себя внимание, что ряд положений 5-й главы с немалой пользой для изложения мог быть использован в предшествующих главах (функциональные сдвиги коррелятивны историческим процессам, и это — традиционно надежный метод их истолкования).

Содержательная логика первой (основной) части рецензируемой книги такова. В самой значительной по объему 2-й главе определяются параметры смысловой среды высказываний с частицами (направления их связей и отношения с разнообразными мирами: с действительностью, текстом, неявной, или скрытой, семантикой и некоторыми другими). Исчерпывающему описанию таких высказываний призвано служить введение в исследование их аналитического коррелята — ситуации. Описание функций и семантики частиц через установление их отношения к специально разработанной (чрезвычайно разветвленной) классификации ситуаций — специфическая особенность содержания 2-й главы. Ключевой вопрос 3-й главы — частицы как средство введения в высказывание скрытой семантики. В 4-й главе наряду с обсуждением некоторых дополнительных аспектов употребления частиц рассматриваются различные языковые категории (порядок слов, неопределенность, вид и пр.), во-первых, как средство передачи семантических признаков высказывания, во-вторых, как элементы взаимодействия с частицами в пределах высказывания.

Что такое ситуация? В изложении это понятие сдвигается: под ситуацией понимаются и определенные типы высказывания («функционально-категориальные смыслы»), обладающие способностью к видоизменению, инвертированию элементов и т. п., и структурированные отношения реальных, отвечающие понятию события. Тем самым создается как бы максимум удобства для развертывания такого описания частиц, которое строится на учете особенностей актуального членения предложения, рассмотрении опосредованно выявляющихся в нем субстратных значимостей определенных синтаксических позиций, переборе вариантов фонетического членения и акцентно-просодического оформления фразы, анализе функциональных возможностей различных квалификаторов ситуаций (форм, категорий), разборе возможных типов инвертирования элементов комплекса составной частицы, исследовании функциональных контактов высказываний в тексте и т. д.

Важный момент, вводимый в изложение, — обсуждение вопроса о наличии «некоторого центра временной и пространственной ориентации», являющегося одним из неявных факторов описания ситуаций посредством высказываний с частицами. Во 2-й главе лишь отмечено наличие такого центра, в 5-й, правда, уже в плоскости диахронии и вне очевидной связи со сказанным во 2-й главе, вопрос этот поставлен

шире — как «вопрос о том, на что же именно обращалось внимание в коммуникативно ориентированных словах восстанавливаемого раннего этапа» (с. 151). Ключевыми ориентирами признаются «три феномена: 1) объект речи, 2) событие в целом, 3) уточнение события» (с. 152). Согласно автору, различное отношение к данным ориентирам — фактор развития категории определенности-неопределенности в сфере образованных на основе общеславянского партикулярного фонда слов (прежде всего местоимений — с. 152—154).

Представляется, что и в синхронно-теоретической, и в диахронно-сопоставительной части своей книги автор не полностью использовал возможности намеченного им же важного подхода к исследованию функциональной семантики и особенностей развития частиц в русском и других славянских языках. В ином случае ему не пришлось бы (как автору теоретического исследования) предъявлять слишком высокие требования к несомненно ограниченным в своих объяснительных возможностях составителям сравнительно-исторических словарей, в которых «даются, — как отмечено в рецензируемой книге, — отсылки к соседним по родству языкам или к древним индоевропейским, но не описывается семантическая эволюция (частиц и коммуникативно соотносительных с ними слов: союзов, местоимений и др. — Л. Н.) по хоть какой-нибудь заданной схеме» (с. 134).

Уже из предпринятого Т. М. Николаевой обзора взглядов других ученых (с. 17—20, 77 и др.) следует, что чувственно-эмоциональная часть языка, к которой принадлежат частицы, представляет исходный ярус распределения статусов лексем с динамической категориально-смысловой спецификой, потому и в относительной хронологии, и в плане функционирования (разумеется, при учете возможности обратимых транспозиций) партикулярная семантика должна толковаться как исходная. В исследовании Т. М. Николаевой по этому вопросу принято весьма осторожное — узкое и компромиссное решение («...в отношении частиц и „застывших“ форм местоимения логичнее принять термин „соотносится“, чем „восходит“...» с. 20; 145). Термин «соотносится», однако, — принадлежность синхронического анализа, диахронический же анализ должен выявить как раз, что к чему «восходит».

Думается, в настоящее время достаточно оснований считать, что чувственно-изобразительный знак, переходя из сферы подязыка чувства (системы моделей экспрессии) в сферу подязыка

интеллекта (систему моделей отношения)¹, продолжает и здесь оставаться (постоянно или некоторое время) динамическим, структурно неустойчивым элементом системы, функционально члениясь, распределяясь главным образом в соответствии со структурой аппарата локации («я — здесь — сейчас»), являющегося общепризнанной моделью интеллектуально-логического взаимодействия говорящего субъекта с окружающим миром [2]. Например, вед. и скр. *nī* (*nī*) как частица выражает поощрение и побуждение (ср. русск. *ну*, польск. *no*); эта же лексема одновременно — наречие места («тут») и времени («теперь»); соответствующее третьему индексу аппарата локации, отсутствующее в ведийском и санскрите субъектное значение *nī*, вероятно, эксплицировано в славянском *ны* (сравнение с лат. *nos* «мы» ввиду того, что *-s* в индоевропейском — регулярный показатель множественности, допускает при этом выделение в *ны* субстратного значения «я»), которое соотносительно с *ны-* в ныне и *но-*, *ну-* в русск. диалектн. *ноне*, *нуль* «теперь».

Схема развития «коммуникативных слов», таким образом, оказывается соответственной функциональной и генетической оппозиции «чувственное — интеллектуальное», а в сфере элементов, отмеченных свойством интеллектуальности (союзы, наречия, местоимения), в основной своей части сводится к обусловленному распределению одних и тех же или соотносительных языковых средств «вокруг» индексов локации.

В книге Т. М. Николаевой выдвинуто и развито положение о том, что русские неопределенные местоимения типа *какой-нибудь*, *что-либо* — не эквивалент западноевропейского неопределенного артикля, как обычно считают, а противоположная ему по функции языковая единица. Неопределенный артикль «вводит объект в класс ему подобных», в то время как «неопределенное местоимение выделяет объект из числа ему подобных, утверждая его особенность» (с. 45). По этой причине неопределенные местоимения невозможны в предложениях типа *Агава — это растение*, а также маловероятны в начале предложения — позиции максимальной определенности (потому не

¹ Понятия Э. Сепира [1]. Различные и взаимоотношения (синхронические и диахронические) подсистем выражения логического смысла и субъективной оценки — предмет теоретического обсуждения в трудах многих лингвистов (А. Сеше, Л. Шпитцер, Г. Грёбер, Ш. Балли, Р. Мерингер, Ж. Вандриес и др.).

встречаются высказывания типа *Один кит столкнулся с одним кораблем, Нечий человек увидел некую обезьяну* — с. 46).

Отдавая должное указанной концепции (на наш взгляд, страницы, посвященные описанию неопределенных местоимений, — лучшие в книге), отметим, что объяснить названную функцию и ограничения на употребление неопределенных местоимений можно не только при опоре на функциональные данные, но и исходя из других оснований, включая и популярную в книге Т. М. Николаевой теорию пресуппозиций.

Словообразовательно местоимения типа *что-то, какой-нибудь* соотносимы с их вопросительными коррелятами (*что? какой?*). Конструктивно вопрос — это усиление (доведение до максимума, интенсификация) неопределенности; присоединение частицы *ка* к вопросительной лексеме дает эффект утверждения неопределенности как определенности и, соответственно, функцию индивидуализации объекта: *Каждый имеет что-то свое*. Поскольку внутренней формой таких местоимений остается вопрос (усиленная неопределенность), пресуппозитивно содержание их высказывания связаны с параметром «неопределенность». Включить в предложение *Агава — это растение* неопределенное местоимение — значило связать его с параметром «неопределенность», что было бы в противоречии с семантической структурой такого предложения, наоборот, связанной с параметром «определенность» (ср.: *Как известно, агавы — это растение, однако — *Как известно, я себя что-то плохо чувствую*).

При ситуативной неопределенности обоих актантов обозначение отношения к пресуппозитивному параметру «неопределенность» ориентировано, по-видимому, на наиболее общий и емкий индекс аппарата локации — время; в высказывании поэтому сигнализирована неопределенность времени ситуации, из чего — по принципу обусловленной связи индексов локации — извлекается информация о неопределенности (и общности) актантов: *Однажды кит столкнулся с кораблем, а не Один кит столкнулся с одним кораблем* и т. п.

В книге Т. М. Николаевой эскизно намечен универсальный путь развития частиц, состоящий в движении от «частиц, связывающих высказывания» (предшествующая в относительной хронологии димирующая функция) к частицам «с активным включением скрытой семантики» (следующая в относительной хронологии функция частиц). Такой сдвиг объясняется, во-первых, «запро-

граммированной коммуникативной размытостью» частиц п, во-вторых, «стремлением человека повысить многоканальность информации речевого отрезка» (с. 152). При всей их, может быть, внешней привлекательности такого рода теоретические построения не могут быть приняты по двум причинам.

1. Частицы актуализируют ситуативный, речевой круг отношений и одновременно «парадигму», среду реализации того элемента высказывания, к которому относятся; способность передавать скрытую семантику, следовательно, — их вторичная, хотя и существенная (в этом автор прав) функция. Эта функция не реализуется, если в высказывании развернута вся «парадигма»: *Петров начал было собираться, но передумал и остался*. Скептически оцениваемая автором (с. 103) приверженность исследователей к описанию выделительных, усилительных или эмфатических свойств частиц, таким образом, во всех отношениях, на наш взгляд, оправдана.

2. Факт гносеологический — отсутствие внимания со стороны исследователей к способности частиц в древних языках обращать высказывание к мпу скрытой семантики (являющейся, как ясно из сказанного, их вторичной функцией) Т. М. Николаева переводит в область онтологии и делает из него вывод, своим существованием обязанный лишь тому, что в рассуждениях оказались смешанными онтологический и гносеологический аспекты анализа. Отметим, что этот недостаток сказывается и в других местах изложения.

Подведем итоги. Наряду с упоминавшейся выше своеобразной концепцией семантики русских неопределенных местоимений к очевидным достижениям книги Т. М. Николаевой должны быть отнесены тщательный и глубокий анализ фонетико-смысловой структуры славянских частиц, сопоставительное описание фондов частиц славянских языков по их количественному составу, а также многонаправленные и разнообразные описания способов представления действительности посредством высказываний с частицами, во многих разделах завершающиеся резюмирующими таблицами. Впервые в русистике и славистике продемонстрированы и реализованы широкие и многообразные возможности функционального и диахронно-сопоставительного анализа частиц, и в этом тоже несомненная заслуга Т. М. Николаевой. Что касается недостатков книги, то они обусловлены, во-первых, не всегда выдержанным разграничением онтологического и гносеологического аспектов анализа (неопределенность частиц допустима как факт онтологии, но не гно-

сеологич), во-вторых, преобладанием в изложении индукции, вследствие чего неединственность предложенных автором классификаций и выдвигаемых объяснений в ряде случаев кажется очевидной.

Луценко Н. А.

Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985. 158 с.

В последние годы исследования в области лезгинских языков, составляющих южное ответвление восточнокавказских языков, вызывают все возрастающий интерес как советских, так и западноевропейских кавказоведов. Поэтому следует всячески приветствовать выход в свет рассматриваемой монографии М. Е. Алексеева, которая посвящена вопросам исторической морфологии и синтаксиса лезгинских языков.

Работа делится на три основных части: введение, морфология и синтаксис, за которыми следует несколько заключительных замечаний. Введение содержит в первую очередь данные по отдельным лезгинским языкам, причем иногда приводятся краткие сведения из истории их изучения (примечательно здесь упоминание «ханутинского» диалекта кризского языка — диалекта, который, согласно А. Дирру, исчез уже к началу нашего века [4]). После указания на первые опыты сравнительного анализа отдельных разделов морфологии в лезгинских языках (попыток, предпринятых А. Дирром и Р. Эркертом), а также сведений о последующих важных этапах истории изучения в книге приводится таблица звукосоответствий между лезгинскими языками, предложенная С. А. Старостиним [2]. Она предусматривает для пралезгинского языка 94 согласный, 14 гласных и 10 сонантов — количество фонем (типологически совершенно необычное и, более того, невероятное), которое придает некоторым из приведенных сопоставлений проблематичный характер. После краткого обзора того, что было сделано в науке по теме данной монографии до сих пор («белым пятном» на кавказоведческой карте представляется автору главным образом сравнительный синтаксис, об этом см. также [3]), приводятся данные лексикостатистики, свыше 100 лексем, которые — рассматриваемые как основной лексический фонд — должны свидетельствовать о степени внутреннего родства лезгин-

ЛИТЕРАТУРА

1. Сепир Э. Язык // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1960. С. 187.
2. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 139.

ских языков, хотя данный метод¹ сам по себе и представляется многообещающим, необходимы все же краткие дополнительные замечания. Остается неясным, почему в статье «женщина» арч. *лэоннол* и дахур. *хунаше* не помещены рядом с крыз. *хыныб* и хиналуг. *хынимкIур* (к чему следовало бы присоединить также удин. *хуни* «жена» и *хун-чи* «сестра» <**ричи*). Лезг. *тар*, крыз. *дар* и будух. *дар* «дерево» следует считать заимствованием из перс. *dar* «ствол дерева, дерево» — слово, которое само обладает отчетливо выраженной индоевропейской этимологией (ср. авест. *dāuru* «дерево», др.-инд. *dāru* «дерево», греч. *δάρυ* «ствол дерева, дерево, копье», кимр. *derwen* «дуб» и т. д. [4]). Приводимая лексика разделена на местоимения, числительные «один» и «два», прилагательные, несколько имен существительных нарицательных, части тела, глаголы и наименования явлений природы. Следующая за этим списком лексикой статистическая таблица показывает особую близость между лезгинским, табасаранским и агульским языками при 50—69 совпадениях; примечательна большая, при 40 совпадениях близость удинского языка к агульскому, которая морфологически и фонетически вообще едва обнаруживается, а также относительно малое число совпадений между удинским, кризским и будухским языками. Особняком стоит хиналугский язык, обнаруживающий 28 совпадений с табасаранским и агульским и 22 — с лезгинским, что в процентном отношении сопоставимо с совпадениями между ним и лакским и аварским языками. На этом основании автор, не причисляя хиналугский язык к лезгинским, исключает его в дальнейшем из числа исследуемых языков [5].

Раздел «Морфология», несомненно, является основной частью работы. Боль-

¹ В значении «mass comparison» Дж. Гринберга.